

© 2002 г.

Т.В. ШИПУНОВА

АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ КАК ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ШИПУНОВА Татьяна Владимировна - кандидат социологических наук, старший преподаватель факультета социологии С.-Петербургского государственного университета.

Агрессия и насилие являются, пожалуй, теми понятиями, в которых в концентрированном виде проявляются представления людей о социальном зле, тесно встроенном в систему человеческих взаимоотношений. Зачастую они становятся лишь другой стороной благого (по своей цели) действия и тогда очень трудно отделить Зло от Добра, ибо давно подмечено, что "дорога в ад вымощена благими намерениями". Широкое обсуждение проблематики толерантности и ненасилия побуждает обратить особое внимание на те элементы насилия и агрессии, которые вплетены в культурный контекст

нашей жизни, социально адаптированы и отчасти легитимированы. Вместе с тем они не утрачивают своего исходного качества, и от девиантных, криминальных феноменов их отделяет некая нормативная граница, которую порой нетрудно перейти. Об этом нередко забывают специалисты, моделируя акты агрессии и насилия в межличностных и межгрупповых взаимодействиях.

Представляется важным восполнить пробелы соответствующих распространенных у нас взглядов, позиций, что предполагает в качестве исходного пункта выделение по крайней мере трех типов социальной интеракции: 1) совершение "неявного" (или "неочевидного") и нерелексируемого насильственного деяния; 2) проявление агрессии, предшествующей и предопределяющей последующее насильственное деяние; 3) имитация (или демонстрация) агрессии без последующего очевидного насильственного деяния, которая однако создает некий фон для развертывания интеракции между людьми и определяет характер их взаимоотношений.

Первый тип социальной интеракции, на котором совершаются "неявные" и нерелексируемые насильственные деяния, предполагает рассмотрение в первую очередь видов насилия, не имеющих целью причинение вреда. Перечислим некоторые виды такого насилия, при которых, как представляется, может происходить подмена целей средствами, то есть благая цель может в ущерб своему содержанию подменяться явным насилием в его самых садистских проявлениях.

"Педагогическое" насилие. Цель - образование и воспитание, средствами выступают основные методы воспитания - поощрение и наказание. Наказание всегда связано с насилием, физическим или психологическим. Данный вид насилия присутствует не только в человеческом сообществе, но и у животных. Такое насилие адаптивно, поскольку его применение наряду с поощрением обусловлено закономерностями психики человека, например, такими, как закон контраста (при следовании амбивалентных переживаний друг за другом происходит их усиление) и закон привыкания и притупления мономодальных чувств или переживаний (следующие друг за другом мономодальные переживания возникают все легче, но протекают все слабее).

"Социализационное" насилие. Цель - "приручение диких животных", адаптация человека к социальному миру, средствами при этом опять же выступают поощрение и наказание. Система заставляет человека принять имеющиеся нормы и образцы поведения, чтобы сохранить свой status quo. Если человек хорошо вписывается в социальное пространство, то в качестве вознаграждения он получает некоторую долю власти и богатства - главных прагматических ценностей современного общества. Если нет, то его ожидают низкий социальный статус, жизнь за чертой бедности или же "социальное исключение". Социализационное насилие может быть либо агрессивным (социальное исключение, стигматизация и т.п.), либо неагрессивным (формы и методы ресоциализации), либо индифферентным, когда система не прилагает усилий по оказанию человеку помощи в выборе пути, обеспечивающему получение власти и богатства, а лишь реагирует на ошибки человека. Последнее в наибольшей степени свойственно обществам, находящимся в состоянии аномии, хотя его проявления постоянно наблюдаются во всех социальных системах.

"Информационное" насилие. Цель - просвещение, знакомство с положительными и отрицательными сторонами жизни, "расширение сознания", средством выступает (или в идеале должна выступать) объективная подача информации. Здесь мы не будем говорить об откровенной дезинформационной ориентации некоторых СМИ, нацеленности на манипулирование сознанием, отметим лишь, что даже объективное освещение жизни (особенно в современной России) может оказывать и действительно иногда оказывает эффект информационного насилия. Сопряжено ли это с объективно страшными реалиями нашей жизни, или только с субъективным восприятием информации - не имеет значения. Но даже когда преподносится положительная информация, заставляющая, однако, менять свое мировоззрение, свое отношение к жизни, свои ценностные ориентации, стереотипы мышления, человек может воспринимать давление такой информации как психологическое насилие. А поскольку наши мысли (и,

следовательно, психика) напрямую связаны с нашим физическим телом, то такое психологическое давление может обернуться рассогласованием функций организма (плохие сон и аппетит, головные и сердечные боли и т.д.), то есть причинить физический вред индивиду. Однако принятие новой реальности или поворот, расширение сознания ведет человека по пути совершенствования. Так, пройдя через насилие, человек получает шанс что-то изменить в своей жизни, сделать ее более интересной и полной.

Данный перечень видов насилия можно было бы продолжить, но и перечисленных видов достаточно, чтобы утверждать, что насилие зачастую сопровождается достижением благой цели, и сопряжено это в первую очередь с развитием рационального мышления. Прогресс рационального влечет за собой (кроме положительных моментов) поиск более изощренных и завуалированных (а потому - более опасных) форм насилия, индивидуальных и социальных. При этом на первый план выходят не столько объективные последствия внешнего насильственного воздействия на индивида (хотя при определенных условиях они играют решающую роль, например, при оценке деяния, направленного против психически или социально незрелой личности), сколько его субъективная оценка. Это хорошо демонстрируется на примере "самозванческого" и "равнодушного" насилия.

"Самозванческое" насилие имеет много ипостатей - от деспотизма "любящих-хотящих-быть-любимыми", предательства и измен "решительных-за-других" до насилия "честных и принципиальных" - блюстителей морали, раздающих направо и налево нравственные оценки людям и их делам, знающим, как нужно поступить в любой ситуации, всегда правым, всегда уверенным в своей непогрешимости и истинности высказанных ими суждений [1]. В каждом из нас сидит такой уродец, заставляющий нас самозванно ничтожить других. При этом мы можем обосновывать свои действия самым разным образом, например, тем, что жертва нашей любви или дружбы просто не понимает счастья, которое ей уготовано, если только он "совершенно свободно" (без этого нельзя!) признает "ограничение своей свободы им — любящим" [там же, с. 15] или жаждающим дружбы. Но "любящие-хотящие-быть-любимыми" сами могут стать такими в результате незаметного насилия со стороны "решительных-за-других", тактика которых строится на основе "сознательного действия вроде "приручения", а фактически - соблазнения-прельщения" [там же, с. 38]. Последующие действия соблазнителя могут оправдываться ответственностью за прирученного, которая позволяет такому ответственному приручителю навязывать условия и правила игры. "Торжество решительных-за-других предполагает как их alter ego - готовых отказаться от своей свободы" [1, с. 36]. Однако попавшие в сети соблазнителя-прельстителя "жертвуют своей свободой небескорыстно: они получают взамен осмысленность своего бытия, его оправдание и комфорт безответственности" [там же], приобретая некую социальную идентичность, придающую стабильность их существованию. Позиции сторон могут поменяться диаметрально, если "решительный-за-другого" откажется от взятой на себя ответственности. Данный акт скорее всего будет воспринят любящим как предательство, то есть нанесение вреда, а следовательно, как психологическое насилие, которое при известных обстоятельствах может привести к функциональным расстройствам организма покинутого (головным болям, депрессии, неврозам, сердечным заболеваниям и т.д.). Однако может возникнуть и другая ситуация, когда "любящий-хотящий-быть-любимым" начнет совершать ответное насилие, преследуя отвернувшегося от него оболыстителя.

Речь в предыдущем абзаце шла о самых простых событиях, которые происходят в жизни любого человека, а если брать социум в целом, то ежеминутно (кто из нас не влюблялся, кто никогда не ошибался в выборе друга, кого миновала безответная любовь!?). Но мы при их описании не оперируем терминами "насилие" или "агрессия". Культура выработала другие слова. Может, чтобы не так больно было быть покинутым? А может, чтобы не осквернять этими словами саму Жизнь? Тем не менее, здесь наблюдаются все признаки насилия, которое иногда сопрягается с агрессией, а

иногда нет. По-видимому, этот вид насилия можно обозначить как неререфлексируемое, поскольку здесь деяния чаще всего не только не оцениваются на меру причиненного вреда, но даже не осознаются в качестве насильственных или агрессивных. Даже наоборот - "несчастливая любовь" воспевается в песнях, а дон-жуанство считается доблестью мужчин.

Насилие "честных и принципиальных" более заметно, оно не так романтизировано и не так завуалировано культурой, поскольку в лице этой категории людей отстаиваются скорее ценности господствующей культуры, которая имеет не витальные, а социальные основания. (В данном контексте "социальное" следует понимать как преобладающее, изменчивое, конвенциональное.) "Честные и принципиальные" - "это люди, сами определившие собственное достоинство, сами давшие ему высокую оценку и эту свою честь не только не роняющие, но постоянно подтверждающие и напоминающие о ней непонятливому окружению..." [1, с. 46]. Не следует думать, что "честные и принципиальные" - это некоторая отдельная категория людей (хотя встречаются и такие). Это скорее та самозванческая сущность, которая таится в каждом из нас до определенного момента. Нам кажется, что мы поборолли гордыню, что существуем в гармонии с окружающим миром, но иногда такое самозванство буквально выплескивается из нас. А проявления такого самозванства (а значит и насилия) можно наблюдать ежедневно: в транспорте, на работе, в семье, в кругу друзей и знакомых, в общении с соседями и так далее. Оно обнаруживает свою суть, когда мы с позиций нашего знания жизни и наших представлений о Добре и Зле пытаемся поучать других, когда обсуждаем кого-то, когда клеймим позором "безнравственный" поступок человека, исходя только из того, что наши "прочные моральные устои" не допускают такого поведения, что "мы никогда бы ничего подобного не совершили", что "надо же держать себя в руках", что "порядочная женщина (мужчина) не может решиться на это" и т.д. и т.п. Основой такого насилия является стремление возвысить себя, унижая других, подчеркнуть свои достоинства на фоне недостатков других, нежелание допустить возможность существования другой точки зрения, другого понимания Добра и Зла, других норм и ценностей. Такое самозванческое насилие часто неререфлексивно, но всегда инициативно и "...бесстыдно, несправедливо, обижает других... безжалостно, немилосердно..." [1, с. 47].

"Равнодушное" насилие возникает каждый раз, когда мы пренебрегаем проблемами зависящих от нас людей. Эта зависимость (физическая или психологическая) может иметь самые разные характеристики, она не обязательно предполагает взятие на себя ответственности за судьбу зависящего от тебя и не является достаточным условием для протекания насильственного взаимодействия. Однако, будучи связанной с просьбой зависящего о помощи и возможностью (но отсутствием желания) эту помощь оказать, данная зависимость приобретает характер насильственного взаимодействия, когда отказ в помощи расценивается агентом интеракции как творимое зло.

Второй тип интеракции - проявление агрессии, предшествующей и предопределяющей последующее насильственное деяние - выводит нас на рассмотрение, в первую очередь, механизмов и условий совершения преступлений (главным образом - насильственных). Кроме того, здесь необходимо было бы проанализировать данные, касающиеся виктимологических исследований и изучения собственно жертв преступлений. Вряд ли возможно в одной статье осветить подробно все эти вопросы, тем не менее, представляется необходимым обозначить основные подходы к объяснению протекания названной интеракции.

При изучении причин преступления большей частью исходят из двух оснований: биологической предрасположенности преступника и психологических особенностей личности. Основой такого видения проблемы является "атавистическая" зависимость дисциплин, занимающихся изучением преступности, от уголовного права. Как справедливо заметил Клаус Зессар, уголовное право (в качестве действующей системы) в силу своего бинарного разделения действий на правовые и неправовые занимается анализом информации о преступниках, так как считается, что только она дает

возможность ответить на уголовно-правовой вопрос о несправедливости (а, следовательно, о неправомерности) деяния. Сведения же об окружении, например, о ситуации, вызвавшей данное насильственное деяние, либо рассматриваются слишком односторонне, либо вообще не принимаются в расчет [2, 8.1]. Ответственность за такое положение дел отчасти лежит на науке (в частности, криминологии), призванной рефлексировать и задавать парадигмы исследований. Пока же господствующей точкой зрения остается традиционное сведение действия к предшествующему событию (чаще всего это мотив деяния), которое служит каузальным основанием для его объяснения.

При этом не учитывается, что любое социальное действие имеет определенную направленность, предполагающую, как минимум, наличие объекта действия, то есть реципиента, который точно так же влияет на протекание самого социального действия, как и инициативный деятель. Иными словами, если объектом некоторого социального действия выступает человек или группа людей, то любое такое действие протекает не само по себе (не изолированно), а становится компонентом социальной интеракции. При совершении любого действия необходимо учитывать ситуацию, в которой разворачивается это действие. Если данные моменты включаются как методологические требования в процесс воссоздания (моделирования) некоторого деяния, то появляется продуктивное положение о наличии обратной связи между следствиями и причинами.

Здесь речь идет прежде всего о так называемой теории самоосуществляющихся прогнозов ("сбывающихся пророчеств") У. Томаса, в соответствии с которой ситуация, ментально определяемая людьми в качестве реальной, на самом деле становится реальностью в своих последствиях. Получается, что события, совершаемые в будущем (при известных условиях), приводят в действие причины предугаданного пророчества, которое становится действительным событием. В такой ситуации действие совершается по схеме "взаимного детерминизма", суть которого вкратце состоит в следующем. Перед совершением действия актер попадает в ситуацию выбора между возможными рисками. Мотивация действия есть результат оценивания этих рисков. Если некоторая возможность совершения деяния сопряжена с высоким риском, то мотивация понижается. "Здесь возможность выбора определяет мотивацию, а не наоборот, так что объекты выбора становятся факторами, в отношении которых должны быть совершены определенные действия, или же факторами, которые провоцируют некоторые деяния, то есть сами для себя являются причинами поступков" [2, 3.2]. Иначе говоря, это означает, что при определенных условиях *ситуация создает преступника*. При этом существует обратимость причинности: потенциальное деяние создает условия для своей собственной реализации, а преступник является ее исполнителем.

Существенным элементом преступной ситуации является потенциальная жертва, от которой, как известно, исходят импульсы или стимулы различного рода (например, жертва сама создает подходящую возможность или просто наличествует в определенное время в определенном месте), на которые и отвечает потенциальный преступник. Надо также отметить, что люди по-разному реагируют на ситуацию и существуют различные риски, связанные с половозрастными отличиями. Можно сказать также, что потенциальное преступление (насильственное деяние) не будет объективироваться при условии, что стимул был недостаточно сильным и, соответственно, недостаточно привлекательным. Однако при прочих равных условиях, потенциальный преступник не может удержаться, чтобы не использовать ситуацию [2, 8.8]. Данные положения легли в основу развития трех криминологических концепций: концепции повседневной активности людей (*routine activities*); концепции, основанной на анализе структуры ситуации (*opportunity structure*) и концепции стиля жизни (*lifestyle*).

Существует, однако, и другая линия рассуждения, в которой также раскрываются механизмы производства агрессии и насилия в социальной интеракции. Речь идет о теории девиантной карьеры и этикетирования Г. Беккера. Напомним вкратце суть данной концепции, делая акцент на тех ее моментах, которые являются наиболее

важными для нашей темы. Данная концепция находит поддержку со стороны криминологов в качестве теоретического обоснования медленного втягивания (соскальзывания) людей в преступный стиль жизни. Основной тезис данной концепции можно сформулировать следующим образом: преступниками не рождаются, их создают так называемые "нормальные" люди, подталкивая некоторых сограждан к пропасти, разделяющей стигматизированных и неполучивших клейма "преступник" или "насильник". Формирование девиантной карьеры начинается с простых вещей: отсутствие или ослабление в семье психологического контакта между ребенком и родителями, неудачи в школе, ссоры со сверстниками и т.д. Но что является основанием для появления такой ситуации? "Гуманные" ("ведь для него же стараюсь!") насилие и агрессия родителей? Нежелание понять проблемы собственного чада? Доминирование наказывающих методов "воспитания"? Желание насильно заставить ребенка осуществить идеальные планы насчет этого же ребенка, чтобы он во всем соответствовал нашим представлениям о должном? Отсутствие интереса, а иногда и открытая ненависть учителей к своим ученикам? Не привитая с младенчества терпимость к другим людям? Все это может быть. И все это - либо агрессивное, либо равнодушное насилие над еще не сформировавшейся душой ребенка, который не может противостоять миру взрослых, наделенных социально закрепленными за ними ролями - Мать, Отец, Учитель. В отношении этих социальных ролей с самого рождения в ребенка закладывается (и на сознательном и на подсознательном уровне) установка, что они — образцы поведения. Социум, с одной стороны, через светскую и религиозную мораль освящает эти роли, а с другой - создает определенные трудности при изучении таких явлений, как родительское насилие и насилие учителей. Пока эта область повседневной насильственной активности остается серой (чтобы не сказать - белой) в девиантологических исследованиях не только у нас, но и во всем мире.

Следующей ступенькой формирования девиантной карьеры является знакомство человека с делинквентной субкультурой, по сути дела с такими же отверженными, как и он сам. Эта субкультура предоставляет человеку своего рода убежище от агрессивного социального окружения, предлагает новые правила жизни, алгоритм объяснения жестокости взрослого мира, где выживает сильнейший, а также задает стратегии и тактики противостояния этому не принявшему человека миру. По сути дела, девиантная субкультура - это социальная ниша, позволяющая человеку выжить.

Дело завершают доброхоты (соседи, соученики, учителя, инспектора по делам несовершеннолетних, а также родители), которые буквально сопровождают ребенка под неусыпным своим наблюдением сначала к родителям (на порку его, голубчика, на порку!), затем к директору школы, на педсовет, на комиссию по делам несовершеннолетних и, наконец, в колонию или специнтернат, где и заканчивается формирование "преступника". Дело сделано - вот он, выявленный и разоблаченный в своих дурных склонностях недочеловек, социально опасная личность, которую вовремя раскусило нравственное большинство. Ату его!

Конечно же и родители, и учителя, и инспектора по делам несовершеннолетних не рефлексируют этот процесс производства преступника и преступности, они просто выполняют свои профессиональные обязанности и поступают в соответствии с социальными ролями. Можно сформулировать эту мысль и иначе: они (лучше сказать - мы, поскольку каждый из нас несет ответственность за происходящее в социуме) равнодушно стоят на конвейере производства преступников. Справедливости ради стоит оговориться, что, разумеется, не все родители, учителя и другие лица, имеющие отношение к воспитанию детей, склонны быть настолько "кровожадными и беспощадными". Однако такое насилие и агрессия востребованы в обществе, а потому существуют и будут существовать еще долго, если не сказать - всегда. При этом хочется пожелать всем нам почаще смотреться в зеркало.

Разумеется, при рассмотрении насильственных деяний нельзя совершенно исключать возможность совершения преступления лицами, имеющими психосоматические

нарушения. Однако, как показывают результаты исследований [см., напр., 3; 4], их круг сравнительно мал и обращает на себя внимание только вследствие совершения в последующем все более тяжких преступлений, а также в результате контроля над такими преступлениями со стороны полиции и массмедиа, которые и создают мифы об опасности для общества всех преступников. При этом остаются совершенно без внимания следующие проявления насилия и агрессии "нормальных" людей: злоупотребления служебным положением при приеме на работу, определении размера премий, включении в гранты, составлении графиков работы, распределении нагрузки среди подчиненных и т.д. (поговорка "я - начальник, ты - дурак" очень актуальна не только у нас, но и во всем мире); нечистая игра вокруг разного рода конкурсов; преступное насилие представителей институтов социального контроля и так далее и тому подобное. "Системное" насилие - тема специального рассмотрения, а пока попытаемся раскрыть вкратце суть **третьего типа социального взаимодействия**, компонентом которого является "неочевидное" насилие.

Напомним, что в третьем типе социальной интеракции речь идет о проявлении агрессии без последующего очевидного насилия, что, однако, в существенной мере определяет характер взаимоотношений членов социума. Здесь представляется необходимым воссоздать логику протекания социального взаимодействия на двух уровнях: межличностном и групповом.

Анализ агрессивного поведения в социальном взаимодействии на межличностном уровне представлен прежде всего в теориях самоопределения и социальной идентичности [см., напр., 5]. Основным тезисом этих теорий выступает положение о том, что агрессия является, по сути дела, неотъемлемым компонентом познания и осознания человеком себя в качестве социального существа. Агрессия выполняет различные функции и не только негативные. Она помогает, например, индивиду приобрести или восстановить позитивную идентичность, связанную с одобряемыми социумом ценностями: высокий социальный статус, принадлежность к определенной социальной или профессиональной группе, религиозной конфессии, стабильное экономическое положение и т.д. Кроме того, один и тот же акт агрессии может иметь совершенно разные оценки в зависимости от многих факторов, например, в зависимости от того, *кто* дает оценку: инициатор действия, преследующий совершенно определенные личные цели, или респондент, на которого это действие направлено; какова *степень толерантности* респондента и *насколько серьезными* он считает для себя последствия такой агрессии; как высока *степень готовности* респондента дать отпор агрессору и многих других.

В качестве примера здесь можно привести поведение и оценку поведения бездомного подростка, которого в литературе окрестили дезадаптивной личностью. Дезадаптивность предполагает, кроме всего прочего, достижение целей незаконными средствами и сопровождается такими противоправными и аморальными действиями, как мошенничество, кражи, мелкое воровство, попрошайничество, обман и т.д. Все эти деяния характеризуются, с одной стороны, направленностью действия на обладание объектом с целью его корыстного использования, а с другой - причинением или желанием причинить вред, то есть они являются выражением агрессии и насилия. Именно поэтому здесь выражение агрессии и насилия оценивается большинством членов социума, как негативное проявление, вызванное недостаточной социализацией и психосоматическими отклонениями подростков.

Однако возникает вопрос: оценивают ли сами эти дети свое поведение как агрессивное или насильственное? В большинстве случаев такого рода вопрос, обращенный непосредственно к подростку, повисает в воздухе, поскольку он непонятен, он из другого мира и является лишь слабым отзвуком так называемой "нормальной" жизни, в которой у детей есть родители, постоянное жилье, чистая постель, еда и книги. Агрессия и насилие становятся неотъемлемыми спутниками бездомных и беспризорных детей. При этом они скорее считают, что "нормальные" люди являются еще большими насильниками, чем они, поскольку не хотят принять их в свой чистенький мир,

заставляют оказывать самые разные сексуальные услуги за мизерную плату, терпеть побои от сутенеров, более старших по возрасту бездомных, милиционеров, случайных прохожих, если тем представится удобный случай. Нет, мы ошибаемся в своем определении этих детей! Они не дезадаптанты, они просто люди, очень хорошо приспособившиеся (адаптировавшиеся) к коварному, злему и жестокому миру "добропорядочных граждан", которых просто необходимо "немного потрясти", ведь иначе они ничего не дадут, не поделятся, не помогут... Их поведение совершенно нормально, адекватно и адаптивно, поскольку помогает сохранить разум и жизнь (хотя не всем и не всегда).

В рассмотренном примере насилие со стороны социального изгоя является очевидным фактом и по своей характеристике относится ко второму типу социального взаимодействия. Однако реакция "нормального" гражданина на поступки и на самого такого несчастного непосредственно вписывается в третий тип социального взаимодействия. Это станет особенно понятным, если мы вспомним не публичные выступления кого-либо из нас, а отрефлексируем манеру нашего поведения с подобными личностями: как мы их сторонимся, как прижимаем к себе сумки, как стараемся подалеже отодвинуться или пересесть, если такой человек случайно находится с нами рядом в электричке, сколько в нашем взгляде брезгливости и оскорбленного чувства достоинства... Мы проявляем всего лишь эмоции, которые к тому же привычно стараемся скрыть. Но одновременно мы утверждаем себя. Основываясь на сравнении, мы моментально просчитываем, к какому разряду членов общества относится данный человек. Если он ниже нас по социальному статусу или доходам (это рассчитывается при простом визуальном восприятии), то мы можем тут же осознать гордость за себя и за свое положение в обществе. Это улучшает наше настроение и позволяет подтвердить социальную идентичность с благополучными членами социума. Представители разного социального статуса и материального достатка по-разному ходят, сидят и говорят: с низким статусом и/или низкими доходами ходят "по стеночке", говорят тихо, сидят, скромно поджав ноги, наоборот, люди, чувствующие свое социальное и/или экономическое превосходство, идут, никого не замечая, поскольку считают, что им и так уступят дорогу, говорят и смеются громко, сидят, расставив ноги и занимая два места в общественном транспорте. А как они ездят на своих машинах! Тот, у кого ее нет - это недочеловек.

Большинство людей получает подтверждение своего благополучия только при сравнении себя с менее благополучными. Оценка же такого сравнения может быть не обязательно вербальной. Она проявляется во взгляде, выражении лица, равнодушии или презрении, в манере стоять, сидеть, ходить, в дозволении/недозволении самому себе делать некоторые вещи. Все это - проявления агрессии, которая сопровождается так называемым "неявным" насилием. Однако название ничего не меняет, поскольку терпеть такое насилие людям не легче, чем явное. Такое поведение "более благополучных" унижает чувство собственного достоинства других людей, причиняет психические, а иногда и физические страдания и, соответственно, может вызвать обратную агрессию и насилие, которые зачастую интерпретируются как вынужденная реакция на провокацию со стороны контрагента социальной интеракции. При этом необходимо отметить, что сама оценка о подобающем или неподобающем поведении является важной составляющей вероятности эскалации или прекращения конфликта.

Анализ агрессивного поведения без явного проявления насилия на межгрупповом уровне связывается с так называемым дискриминирующим поведением членов группы, которое может выражаться как в вербальной (намек, манера говорить, использование жаргонных словечек), так и в невербальной (жесты, взгляды) формах. Социальная дискриминация определяется при этом как неравный подход в оценках или распределении каких-либо благ (например, социальное признание и одобрение) в отношении членов различных групп в размере, не определяемом только структурной дифференцированностью общества [6]. Дискриминирующее поведение членов одной малой группы в отношении членов другой группы возникает в результате стремления

первых к поиску новой позитивной социальной идентичности. Этот процесс предполагает социальное сравнение, при котором чем больше группа приписывает себе положительных качеств по сравнению с другими социальными группами, тем сильнее ее социальная идентичность и степень оформленности "Я-концепции" ее членов. Налицо использование другой группы в качестве основания собственного возвышения, то есть очевидно проявление агрессии.

Укрепление позиций одной из групп ведет к неадекватности в оценках других групп и вызывает их дискриминацию. Неадекватность оценок заключается в приписывании другим (не обязательно враждебным) группам некоторых негативных черт: низкую социальную ценность, наличие негативных атрибутов, несоответствие идеальным представлениям о качестве жизни и тому подобное. При этом своей группе приписываются, разумеется, противоположные качества. Это явление получило название позитивно-негативной асимметрии социальной дискриминации. В качестве примеров здесь можно привести дискриминирующее поведение группы некурящих в отношении курильщиков или наоборот, меломанов в отношении людей, не любящих музыку и т.д. Считается, что такая дискриминация не сопряжена с явным насилием, а потому не может причинить серьезного вреда членам дискриминируемой группы. Однако мы выше уже говорили о только кажущейся безобидности разного рода "ненасильственных" действий, если они сопряжены с агрессией. Кроме того, при рассмотрении данного вида социального взаимодействия необходимо учитывать следующий момент: один и тот же акт агрессии может по-разному оцениваться и интерпретироваться в зависимости от того, совершается ли он в отношении отдельного индивида или же направлен на группу. Если на индивида - представителя одной группы - оказывается одновременно давление несколькими членами другой группы, то велика вероятность того, что такое давление (агрессивный выпад) будет скорее воспринято как неприкрытое насилие, что может вызвать два вида полярных реакций: либо уход в себя (вследствие психологической травмы и невозможности противостоять большинству), либо неадекватное по своей интенсивности ответное насильственное деяние.

Можно выделить факторы, детерминирующие и направляющие насилие на межиндивидуальном и межгрупповом уровнях социального взаимодействия. Такими факторами являются: желание самоутвердиться за счет унижения других (при этом совсем не обязательно, чтобы инициативный субъект социальной интеракции отдавал себе отчет в своих истинных целях); стремление использовать кого-то для получения определенных выгод (психологическая разгрузка, сексуальное удовольствие, продвижение по службе, и т.д.); поиск или подтверждение социальной идентичности (отдельным индивидом или группой); "благое" желание "научить уму-разуму", "наставить на путь истинный".

Можно также назвать факторы, не отражающие некие стабильные установки и ценности индивидов, но способные вызвать проявления агрессии и насилия. Речь идет о ситуативном поступке или агрессивном поведении, обусловленном определенным эмоциональным состоянием агентов социальной интеракции. При этом агрессия и насилие могут исходить не только от актора, но и от респондента, который будет считать свою реакцию лишь ответом на провокацию. В качестве эмоционального состояния, способного вызвать агрессивные проявления, чаще всего рассматривается раздражение [7]. Однако само раздражение может быть обусловлено другими эмоциями: "праведным" гневом при проявлении несправедливости; недовольством, что тебя не хотят понять; досадой, что ты теряешь контроль над собой, ситуацией, поведением другого человека; смешанными эмоциями, когда понимаешь, что теряешь дорогого тебе человека и т.п. Восприятие проявлений этих эмоций контрагентом интеракции и их интерпретация определяются не только субъективными ценностями и установками, но и культурными традициями. Именно культура данного общества дает нам представления о том, как следует проявлять свои эмоции, каковы поведенческие стереотипы их проявления. Она же задает нам стереотипные образцы реакций на различного рода эмоциональные проявления. Разумеется, эти образцы или стереотипы

варьируются в зависимости от возраста, уровня образования, социального статуса, пологового признака. Но сами эти различия свидетельствуют лишь о силе воздействия заданных культурой стереотипа проявления эмоций, поскольку достаточно жестко закрепляют за представителями определенного пола, возраста, образования, социального положения те формы и способы проявления эмоций, которые считаются в данном обществе допустимыми, нормальными, приемлемыми именно для этих людей.

Мы проанализировали (в первом приближении) виды агрессии и насилия, творимые на индивидуальном и межгрупповом уровнях социального взаимодействия. Разумеется, изложенное не бесспорно, многие моменты остались не учтенными, а некоторые требуют более детального рассмотрения. Но думается, что выделенные идеальные типы агрессивного и насильственного поведения могли бы привлечь внимание социологов и послужить основой для соответствующих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тульчинский Г.Л.* Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 10-24; 32-44; 45-55.
2. *Sessar K.* Zu einer Kriminologie ohne Taeter (Oder auch: Die kriminogene Tat) // Monatschrift fuer Kriminologie und Strafrechtsreform. 1997. 80 Jhrgang. Heft 1. Februar.
3. *Sessar K.* Jugendstrafrechtliche Konsequenzen aus jugendkriminologischer Forschung: Zur Trias von Ubiquitet, Nichtregistrierung und Spontanbewachrung im Bereich der Jugendkriminalitaet // Walter, M, Koop, G. (HG.). Die Einstellung des Strafverfahrens im Jugendrecht. Kriminalpaedagogische Praxis 5, Vechta 1984. S. 26-50.
4. *Kreuzer A.* Kriminologische Dunkelfeldforschung // Neue Zeitschrift fuer Strafrecht, 1994. S. 10-16, 164-168.
5. *Wensel M.* Soziale Kategorisierung // Bereich distributiver Gerechtigkeit Muenster: Waxmann, 1997.
6. *Otten S., Mummendey A.* Agressive Interaktionen und soziale Diskriminierung: Zur Rolle perspektiven- und kontextspezifischer Legitimationsprozesse // Zeitschrift fuer Sozialpsychologie. 1999. 30 (2/3). S. 127.
7. *Weber H.* Aerger und Aggression // Zeitschrift fuer Sozialpsychologie. 1999. 30 (2/3).